

ПОЗЫВНЫЕ КАХОВКИ

«Каховка, Каховка, родная винтовка... Горячая пуля, лети!»

ЧЕРЕЗ ДЫМ И ОГОНЬ пожаров шла голубоглазая девушка в шинели по украинскому городку Каховке...

Это — как мгновение, как несколько метров давней хроникерской киноленты. Вот она, стремительная фигурка, идет навстречу, все ближе. Вот было повернулась к нам... И все. Искала пленка.

Можно броситься к замершему кадру и, поместив его в увеличитель, положить на волшебство шлифованных стекол. Крупнее план. Еще крупнее. Она вновь приближается, далекая девушка в шинели. Еще секунда — и увидим ее глаза... Но что это? Изображение расплывается, стухает, пропадает.

Это не оптика виновата. Неизменно время. Михаил Светлов написал «Каховку» спустя полтора десятка лет после Перекопа. С тех пор минуло еще тридцать четыре весны.

Время бесследно, неумолимо растворяет всю бытовщину века, суету, атрибуты. Все это остается в своем десятилетии, своей эпохе, даже если в качестве экспоната или антиквариата переживает века.

Лишь подвигу дано вечно нести с безостановочным ветром времени через прошлое, настоящее, будущее. Подвиг, будь он ратный, трудовой или научный, — это всегда проявление самой главной сущности человека, его духовного естества. И это — неизменно, пока существует человек.

...Через огонь и дым пожаров шла голубоглазая девушка в шинели по украинскому городку Каховке...

Не надо искать в светловской песне никаких примет. Не надо ее воспринимать свидетельством эпохи, строкой в летописи. Она — обозначение подвига, и дорога нам, как прикосновение к нему, тактичное и трепетное.

Но вот из тока архивных сведений, застекленных в музей фактов, перед нашим внутренним взором возникает, отодвигая остальное, образ девушки. Хрупкая, черноглазая. Она не шла по горящей Каховке под пулеметные трели. Потому что письмо от нее, Доры Любар-

ской, написанное в последний день ее жизни, помечено восемнадцатым января 1920 года. Каховка вошла в легенду позднее.

Дора Любарская была организатором Каховской комсомольки. Она погибла в Одессе, в страшных застенках белогвардейской контрразведки. Вот оно, ее последнее письмо:

«Славные товарищи! Я умираю честно, как честно прожила свою маленькую жизнь. Через восемь дней мне будет 22 года, а вечером меня расстреляют. Мне не жаль, что погибну так, — жаль, что мало мною сделано для революции. Только теперь я чувствую себя сознательной революционеркой и партийной работницей. Как вела себя при аресте, при приговоре, вам расскажут мои товарищи. Мне говорят, что я была молодцом.

Целую мою старенькую мамочку-товарища. Чувствую себя сознательной и не жалею о таком конце. Ведь я умираю, как честная коммунистка. Мы, все приговоренные, держим себя прилично — бодро. Сегодня читали в последний раз газету. Уже на Берислав, Перекоп наступают. Скоро-скоро вздохнет вся Украина и начнется живая созидательная работа. Жаль, что не могу принять участия в ней. Ну, прощайте. Будьте счастливы».

...Врангелевские полки штурмовали город. Каховская комсомольская организация взялась за охрану порядка на дорогах, улицах, наплавном мосту, по которым отходили войска Красной Армии. Парни и девчата вышли под снаряды и бомбы белых и без сна, часто без еды, почти трое суток не покидали своих постов. Ушли с последними красными частями, влившись в них. И каждый шел навстречу своему подвигу, своей жизни с огнем мужества и верности великим идеалам в сердце.

...Жене Жигалиной, связанной Каховского ревкома, был тоже 21 год, когда ее схватили белогвардейские палачи. Она приняла мученическую смерть, но враги ничего не узнали от нее о большевистском подполье.

...Имя санитарки 6-й дивизии товарища Заборенковой нам так и неизвестно. Но мы знаем, как вскочила она на боевую лошадь и, презирая почти

верную гибель свою, понесла туда, где на поле боя осталось лежать 14 раненых красноармейцев. И — видать, и впрямь смелого пуля боится! — спасла, вывезла всех из-под огня.

Когда сотни, тысячи подвигов людских, свершенных на днепровском берегу, слились в блистательную победу, название тихого степного городка стало синонимом мужества, героизма.

Гремела атака, и пули звенели,

И ровно строчил пулемет...

«...Каховка вошла в историю гражданской войны как одна из наиболее ярких и сильных ее странич.

...Под Каховкой в августе 1920 г. был нанесен первый отрезывающий удар окрыленному успехами Врангелю и его «русской армии».

В октябре 1920 г., когда армии Южного фронта под руководством М. В. Фрунзе перешли в решительное наступление на Врангеля, вновь на первый план выступает она, Каховка.

Отсюда, из-под Каховки Красная Армия наносит Врангелю основной удар. Отсюда, из-под Каховки, развертывается свой удар 1-я Конная Армия, сокрушительным смерчем пронесшаяся по тылам Врангеля и окружившая его главные силы.

Нет, не уйдет больше из истории и песен народа этот в прошлом тихий, неизвестный степной городок. Его обесмертили героические люди и героические дела».

Так писала о Каховке в 1935 году газета «Правда».

В МИРНЫЕ ДНИ так щедро и так солнечна Южная Украина! Так чуден Днепр, и безмятежно море. И так не хочется думать, что здесь бомбы и снаряды перепыхивали землю...

Да, в сорок первом снова запылали степи Таврии. И снова комсомольская организация Каховки объявила себя мобилизованной. Большинство комсомольцев уходит на фронт. Часть остается работать в подполье. И громяют под откос немецкие эшелоны. В окна фашистам летят гранаты. Комсомольские листовки поднимают патриотов на борьбу с захватчиками.

Там, где в 1920-м при штурме Перекопа покрыли себя славой красные полки, стал героем девятнадцатилетний каховчанин Иван Зюсь. Под огнем противника он шесть раз подряд переходил вброд воды Сиваша, поднося бойцам боеприпасы. А позднее, в боях на подступах к Сапун-горе, когда его, раненого, со всех сторон окружили фашисты, Иван подпустил их поближе и подорвал себя вместе с врагами.

Земля, овеянная духом подвига, не может не порождать героев. Это, если хотите, тоже наследственность.

ЧЕРЕЗ ЩЕБЕНЬ и пыль руин шла голубоглазая девушка в телогрейке по украинскому городку Каховке.

У нее редкое и красивое имя — Феликса. Мама говорит, что так захотел отец. А у отца уж ничего не спросишь. Погиб рядовой Филипп Гнатовский в боях за город Берлин, смертью своей чуть приблизив великой победы.

Феликса приехала сюда из соседнего района — чтобы строить море, город и электростанцию. Но начинать пришлось с другого: разбирать развалины, оставшиеся с войны, ремонтировать дома, чтобы было куда поселить первых строителей. А после работы она уводила в сторонку Нину Иванову, просила: «Почуй!»

Та черпала мастерком песок и бросала в дерево, как на стенку раствором: вот так! И через несколько дней у Феликсы стало получаться. Была в ней какая-то природная сноровка, а скорее всего — привычка к самому разному труду. Из девятнадцати лет ее жизни пять приходилось на работу в колхозе. Ну, что ж, вот она прожила и еще столько же — еще 19 лет... Было всего: и радостно, и горько. Но как бы ни поворачивалась судьба, каждый день ее жизни всегда окрашен отсветом того праздничного всполоха, что в юности озарил ее душу. И она режет в себе этот счастливый свет.

В пятьдесят седьмом ее, как и многих других днепростровцев, перевели в Кременчуг, где сооружалась следующая ГЭС днепровского каскада. Долго работала, крепилась. А в шестьдесят втором не вы-

держала, возвратилась сюда, где остались ее молодость и мечта, где родились ее дети и где стоят первые из построенных ею домов.

И вот она проходит по городу своей мечты, городу своих свершений. Он — естественное продолжение того легендарного украинского городка, хоть и расположился двенадцатью километрами ниже по реке — и потому сохранил в своем названии гордое слово Каховка. И он в то же время — нечто очень новое и даже не совсем обычное и потому зовется Новой Каховкой.

Его жители говорят, что это один из самых красивых городов на Украине. Во всяком случае, наверно, трудно встретить еще один столь же обширный и красивый парк, что протянулся по берегу вдоль всего города. И бесчисленные розы, и сады, разбитые почти на каждой улице...

Говорят, что в нем очень удобно жить — как-то удалась архитекторам приспособить город к человеку. Вот один только штрих: по улице Ленина запрещено движение транспорта, поскольку на ней почти все школы, детские сады и ясли.

Он солнечен, чист и приветлив, комсомольский город.

Почтительно история его рождения — города без единой временки, без единого барака. Возведение ГЭС началось с планировки и прокладки коммуникаций для города, с основания парка. Преодолевая бесчисленные снабженческие беды, город строили потоком, строго по науке. За землекопашники шли сантехники, бетонщики, за ними каменщики, плотники, штукатурки, монтажники...

Наверно, Новая Каховка как город нового типа — это тема для отдельной не только статьи, но и книги. Но для Феликсы Филипповны, чья легкая походка, изящество, какая-то живая трепетность совсем не вяжутся со словом «ветеран», здесь все полно особого смысла, все будит дорогие воспоминания.

Вот квартал домов. Во дворе — спортплощадка. Комсомольские вожаки города показывают ее как одно из свидетельств великой приверженности новокаховцев к физкультуре и спорту. А Феликсе Фи-

липповне припоминается, как приходилось каждую ночь кому-нибудь дежурить здесь у печурки, чтобы не замерзла штукатурка. И как было 8 марта, и у нее не хватило духу назначить на дежурство никого, кроме себя, бригадира. Девчонки ушли на вечер (клубом тогда еще была столовая). А среди ночи прибежали к ней с гитарами, песнями. И это было радостно и трогательно...

Мы предлагаем читателям познакомиться еще с несколькими штрихами воспоминаниями первостроительницы. И хотим дополнить их записями из дневника свидетеля и участника строительства под Каховкой известного кинорежиссера и писателя Александра Петровича Довженко.

Ф. ГНАТОВСКАЯ:

— Нет, конечно, не все гладко было. Да если по справедливости говорить, очень многое было не гладко. То материала нет, то инструмента. То мастер нерадивый. То прораб не замечает сквозняков на стройке — девчонки болеют. Ну, разозлишься, и на собрании как скажешь, как раскритикуешь. Помогало! А мне часто приходилось выступать...

А. ДОВЖЕНКО:

«...Речь ее была неровной, с большими паузами — создавалось впечатление, будто она несколько раз порывалась закончить свое выступление. Во всей ее фигуре, в движениях, в интонации чисто девичьего голоса, в печальных глазах чувствовался укор и обида, как если бы именно ее обидели глубоко и грубо.

— Материал подает с опозданием на час, а иной раз и на два, и мы слоняемся тогда и изнываем в простое. Нет ни работы, ни радости — и план не выполняем, и не зарабатываем.

Думаете, нам легко не выполнять план? А потом перебрасывают на другую работу, опять-таки не продумав ее толком.

Я смотрел на нее и думал себе: что заставляет ее страдать и гневаться? И я перевел ее речь на свой язык, по-своему, то есть так, как оно есть на самом деле:

«Я приехала сюда строить новый, коммунистический город... вообще приехала строить коммунизм. Это — единственное, чему я с радостью хочу отдать свою жизнь. Поэтому прошу вас не мешать моему счастью. Зачем же вы мешае-

те мне строить коммунизм глупой своей нераспорядительностью?».

Ф. ГНАТОВСКАЯ:

— А вот наш Дворец культуры. Красивый, правда? Здесь нашей бригаде тоже пришлось постараться... А фундамент его закладывали на комсомольском воскреснике. В старой Каховке мы тогда еще жили. Вот, помню, утром собираемся — а машины не пришли. Забыли их прислать или еще что, не знаю. Но ведь ни один тогда не ушел. Лопаты на плечи — и пошли пешком. Отработали день — и обратно 12 километров. Иногда вот я думаю, а нынешняя молодежь, как бы она в таком случае поступила?

А. ДОВЖЕНКО:

«...Трудно еще до конца сформулировать, в чем именно... видно, что общий план, общее лицо молодежи радует меня, независимо от принадлежности к комсомолу. Мы готовы на труд и на бой, как всегда, а может, и еще больше, никогда мы не были так морально готовы к победе, как сейчас».

Ф. ГНАТОВСКАЯ:

— Помню ли тех, с кем вместе работали? Конечно. Когда наградили комсомольскую организацию города, многие из них откликнулись. Вот эта телеграмма напомнила многое:

«Дорогие друзья! Сердечно рады что трудовые традиции орденосного комсомола днепростроя вами продолжены и возведены до высочайшей правительственной награды ордена Знак Почета Новокаховской комсомольской организации т.чк желаем дальнейших довлестных трудовых успехов комсомольцам молодежи на благо нашей родины т.чк бывшие комсомольцы строители каховской гидроэлектростанции РИТА ЭДИК САНСАРАЯН ЗИТ ТАМАРА КЛЕОН ЗАВНИКОВЫ ЗИТ ВИЛЯ КИЛЬ СИНЧА ЗИТ ВОРИС МАЛЫШЕВ ЗИТ ГЕННАДИЙ КУКОВ ЗИТ НИКОЛАЙ ДУДАК ЗИТ ВИКТОР ЧУВЫЛО ЗИТ БОРИС ЧЕРЕМИСИН».

С Виктором Чувлыло в одном управлении работали. У него тоже была комсомольско-молодежная бригада. Они нам часто подмостки делали. Их бригада тогда на весь Союз гремела. Ну, и было за что. Лохом работали! И веселые такие были, дружные.

Ну, не одни они, конечно. Да ведь всех и не перечислишь, и не упомянешь. Сотни были ребят и девчат хороших.

Вот придут новенькие, с одним махоньким чехоманчиком,

одеты бог знает во что. Встретим, поделимся, чем можем. А через месяц, глядишь, строитель — герой! Весело все это как-то...

А. ДОВЖЕНКО:

«Дмитрий Б. Бывший танкист. Его битвы: оборона Сталинграда, Курская дуга, Корсунь-Шевченковская битва и многое другое.

«Вы танкист? Хорошо. Пойдете на скрепер...» Всего несколько дней понадобилось ему, чтобы вполне овладеть новой машиной и ее назначением... Когда-то ходил на Паулюса, теперь его машина врежется в каховские пески. Честный, скромный, энергичный — скоро его все полюбили...

«Знаете, я старый спортсмен. Еще в армии занимался футболом, волейболом, тяжелой и легкой атлетикой. Теперь насыпаю откосы для трибуны стадиона. Душа поэта!»

Ему 26 лет».

«Василий Р.

Комсорт Любимовского карьера, 25 лет, среднего роста, здоровый юноша, из-под Овруча. Семь лет пробыл в армии — с 1944 по 1951 год. Отец убит на войне, мать умерла от печали и потрясения. Остался дед и младший брат. Учителя в 9-м классе по вечерам. Мечтает окончить школу и институт журналистики. Человек большой мечты, незаурядной этической страсти... Мечтает приложить все усилия здесь, чтобы восторжествовала наконец справедливость на земле у нас. Настоящий массовик и настоящий патрист, настоящий коллектив, как воздух, как жизнь и отдаст ему всего себя, все свое время, все свои знания, без остатка.

— Я в состоянии работать день и ночь, у меня времени, к сожалению, не хватает...

Ф. ГНАТОВСКАЯ:

— Вы не смейтесь, но в нашей жизни очень большую роль играла столовая. Просто, пока не выстроили летний театр, она была и клубом, и местом собраний. Там я впервые увидела многих знаменитых артистов. Клавдия Шульженко, Борис Андреев, Тамара Ханум... Вообще за время стройки столько посмотрела, послушала хороших артистов, сколько потом за всю жизнь не удалось. Может, это шефство было над стройкой. Да ведь и артистам, наверно, интересно было посмотреть, как тут что...

Вот Довженко долго у нас жил. Всю стройку, всех людей знал. Меня как-то пригласил к себе. Пришла я, постучалась. Вышел — такой приветливый, ласковый. Поздравствовались. Посадил за стол, стал рас-

(Окончание на 4-й стр.)

Будущие специалисты сельского хозяйства — студенты Новокаховского техникума на практических занятиях.